

МЕДНАЯ ШКАТУЛКА

ДЖ. С. ФЛЕТЧЕР

КАРЬЕРА ПРЕСС

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДНАЯ ШКАТУЛКА

1. Хозяйка Кельпишоу	1
2. Второй незнакомец	13
3. Медь	25
4. Полуночное предупреждение	36
5. Сэр Чарльз Сперригоу	48
6. Неукротимый репортер	60
7. Что сказал умирающий	71
8. Минута после полуночи	83
9. В гостях у медника	94
10. Отель «Корона»	105
11. Во времена Елизаветы	116
12. Девиз рода Полкни	127

РАССКАЗЫ

«Массингемская бабочка»	139
Сейф номер шестьдесят девять	165
Внутренняя комната	191
Плавучий дом	203
Дон-Кихот из Скотленд-Ярда	219

ХОЗЯЙКА КЕЛЬПИШОУ

Хотя календарь возвещал прибытие весны и малые приметы ее уже проступали тут и там, снега в диком приграничье вовсе не собирались отступать. История эта случилась девятнадцатого апреля. Я запомнил это потому, что день рождения у меня выпадает на восемнадцатое, и двадцать третий день рождения в моей жизни я провел в старомодном вулерском отеле, позволив себе за обедом бутылку вина, лучшего, какое имелось в заведении. Возможно, именно эта бутылка — хотя на самом деле винить следует скорее мою собственную глупость и самомнение — и побудила меня на следующее утро пуститься в совершенную авантюру пешеходного свойства. Сразу же после завтрака я выступил в путь, намереваясь до наступления темноты обойти местность, лежащую между Вулером и шотландской границей, миновать Киркньютон, Колдберн и Чевиот, чтобы затем вернуться к Хеджхоуп-хилл и Кельпи-стрэнд, откуда я начинал свой путь. Длинным и солнечным летним днем этот маршрут представлял бы собой не более чем длительную прогулку; однако неверная погода северного апреля превращала эту прогулку в весьма опрометчивое предприятие, в результате чего я еще до исхода дня угодил в пренеприятнейшее положение. Утро вы-

далось ясным и обещало хорошую погоду; я шел не один час, и от души наслаждался прогулкой. Однако около трех часов пополудни солнце спряталось за тучи, небосвод подозрительно потемнел, а температура упала; вскоре начал падать снег, причем такой, какого я, будучи южанином, не видел никогда. Он летел крупными хлопьями, он слепил, он покрывал собой все вокруг; он стремительно заметал тропы и собирался сугробами в лощинах; воображение нарисовало мне картину того, как я теряю дорогу в этом снегопаде. Между пятью и шестью часами я действительно обнаружил, что заблудился, — насколько можно было разобрать по моей складной карте, я находился в треугольнике, образуемом Чевиотом, Кэрном и Хеджхоупом, близ самой западной части реки Хартоп-берн, однако с таким же успехом мог бы пребывать где-нибудь в сердце Анд. Я мог разобрать очертания трех могучих холмов, однако ни фермы, ни иного человеческого жилья видно не было; что еще хуже, на карте не было обозначено ни домов, ни придорожных гостиниц, ни деревень — по крайней мере, в пределах моей досягаемости. Что до тропы, то я уже ее потерял, и снежный покров лежал передо мною толстым белым ковром, ступив на который я мог беспрепятственно пройти далее, а мог и угодить в яму или болото, откуда бы уже не выбрался. От ближайшего указанного на карте поселения — Миддлтона — меня отделяли многие мили, а темнота начинала сгущаться, и сгущалась быстро.

Все это я обдумывал, укрывшись с подветренной стороны молодой еловой поросли, где остановился, чтобы передохнуть и решить, что же мне делать дальше. Впрочем, что еще я могу поделаться? — лишь идти вперед и уповать на удачу. Чтобы подготовить себя к этому, я отпил из фляжки, в которой, по счастью, еще оставалась половина ее содержимого, состоявшего из виски с водой, и прикон-

чил остатки взятой с собой провизии. Однако, когда я наконец покинул укрытие и обошел ели с наветренной стороны, перспективы мне открылись отнюдь не радужные. Снег валил все сильнее и гуще, до темноты оставалось совсем не много. Все шло к тому, что мне предстоит либо много миль подряд пробиваться сквозь снега, либо найти любое подходящее укрытие и провести там мучительную ночь. Но тут злая судьба смилостивилась надо мной. Двинувшись вперед, я стал спускаться с вересковых пустошей в долину, как вдруг понял, что под ногами у меня дорога или, по крайней мере, много хоженная тропа; она была плотно утоптана и широка, в чем я убедился, потыкав палкой в снег тут и там. Я пошел по ней на восток, и вскоре, так же неожиданно, передо мною засияли яркие и манящие огни человеческого жилища.

Сумерки так сгустились, а снег летел по ветру столь крупными хлопьями, что я долго не мог разобрать, что за дом явился мне столь счастливо, и рассмотреть его смог лишь приблизившись вплотную. Он стоял к северу от дороги, на некотором от нее отдалении, где холмы расступались, образуя некое подобие низины, и склоны их сбегали к стенам дома со всех сторон, за исключением той, на которую смотрел я. Дом был обнесен стеной; три ее стороны были необычайно высоки, однако та, что смотрела на меня, была довольно низка — достаточно низка, чтобы я мог разглядеть строение внутри. То был самый странный из всех виденных мной домов. По центру его венчала высокая квадратная башня с зубчатой верхушкой; на запад и на восток тянулись два крыла с несколькими башенками пониже — впрочем, и они отличались изрядной высотой; там, где соединявшие башни крылья делали излом, располагались круглые башенки с конической верхушкой — все вместе это создавало столь странное впечатление чего-то

средневекового, что на ум немедленно шли бароны-разбойники, овцекрадство и тому подобное. Дом был очень стар, я понял это с первого взгляда, — в нижнем его этаже не было ни единого окна, лишь сплошная каменная кладка, не нарушаемая ни окном, ни дверью. Виденный мною свет лился из окон на высоте двенадцати-пятнадцати футов над уровнем земли — окон круглой башенки левого крыла, третьей справа.

Лишь войдя в обнесенный стенами двор и провалившись в снег по колено, я увидел дверь. Она располагалась в основании башенки, и, достигнув ее, я увидел, что дверь вполне отвечала духу этого места — толстая, дубовая, почерневшая от возраста, она была усажена железными гвоздями с квадратными шляпками и вставлена в такую же внушительную раму. То была одна из дверей, которые, если их запереть, выглядят так, будто никогда больше не откроются, и после того, как я, коротко осмотревшись, громко постучал по ее массивным доскам — колокольчика нигде видно не было, — мне оставалось лишь гадать, сможет ли столь скромный призыв преодолеть эту могучую преграду.

Однако дверь открылась почти сразу же. На пороге, приподняв перед собой лампу, стояла пожилая женщина — высокая, костлявая особа с грубыми чертами лица; когда она увидела меня, во взгляде ее мелькнуло явственное удивление, тотчас же, впрочем, сменившееся не менее отчетливым подозрением. Дружелюбия в ней не было и в помине, и под этим суровым взглядом я тотчас позабыл о том, что собирался сказать, и только сумел выдавить из себя вопрос.

— Э-э... м-м... не подскажете ли, где я нахожусь? — спросил я. — То есть... где находится ближайшая деревня или постоялый двор? Я шел в Вулер, и...

Мне почудилось, что дверь сейчас захлопнется у меня перед носом; и в самом деле, щель между дверью и косяком, и без того неширокая, стала еще уже.

— Ничего ближе Миддлтона не найдете, — ответила она. — Ступайте прямо по дороге, дотудова миль шесть будет.

— Шесть миль — в такой снег! — воскликнул я. — Но...

— Ближе ничего не найдете, — быстро перебила она. — Отсюда и до Миддлтона — ни единого дома. Вам бы поторопиться, ночью снег еще хуже повалит, это как всегда, а дорога...

Тут ее грубый говор был прерван девичьим голосом — чистым, музыкальным, с ноткой властности в нем.

— Тибби! Что там... кто там?

Женщина нахмурилась. Однако она невольно приоткрыла дверь шире. Я увидел, что стояла она в сложенной из камня прихожей, очень тесной, в правой части которой виднелись каменные ступени — по-видимому, винтовая лестница, ведущая на верхние этажи этого странного дома. И это было не все — взору моему предстала пара прелестных стройных щиколоток в туго сидящих чулках и туфельки; выше виднелся край элегантной юбки, а все прочее было скрыто поворотом лестницы.

— Паренек какой-то, мисс, ежели вам так уж хочется знать, — сказала служанка. — Говорит, до Вулера идет, а я ему...

— Вулер? В такой снег? Быть этого не может! Тибби, зачем ты...

Очаровательные туфельки сбежали вниз по ступенькам, и не успел я осознать, как мне повезло, их владелица уже стояла передо мною, разглядывая меня с пытливым любопытством. Полагаю, что выглядел я в этот момент

довольно жалко и походил скорее на бродягу: непромокаемый плащ мой был отнюдь не нов, а на голове сидела старая и любимая, но давно потерявшая всякий вид шляпа. Впрочем, шляпу я тут же снял и отвесил самый изысканный поклон, на который только был способен. Если же я и позволил себе глазеть чуть дольше положенного, то лишь потому, что в свете старухиной лампы мне предстало самое очаровательное зрелище из всех, какими когда-либо одаривала меня судьба. Мы с девушкой были одного возраста, и, должно быть, поэтому я широко улыбнулся ей — понимающей улыбкой.

— Полагаете, я заблужусь в снегах и поутру найдут мое бездыханное тело? — предположил я.

— Если вы попытаетесь добраться до Вулера нынче ночью, именно так все и будет, — довольно живо ответила она. — В самом деле, вы не дойдете! Даже если бы и знали дорогу, а вы едва ли знаете. Ну конечно, вы должны остаться. Мой опекун, мистер Парслей, в отъезде, но...

— Хозяин не велел привечать незнакомцев, мисс, — перебила ее старуха. — Он приказал...

Девушка резко обернулась к ней, сверкнув серыми глазами, и этот ее порыв много сказал мне о властности ее нрава и о том, кто в этом доме хозяйка.

— Глупости, Тибби! — воскликнула она. — Твой хозяин скажет многое, если в такую ночь, как эта, мы прогоним от двери усталого путника. Входите, — продолжала она, с улыбкой оборачиваясь ко мне. — Мистер Парслей — самый гостеприимный джентльмен из всех ныне живущих, и, будь он здесь, он непременно приветствовал бы вас самым сердечным образом. Не знаю, правда, сумеет ли он добраться нынче ночью до дома. Но это и мой дом тоже! — заключила она, блеснув вдруг глазами. — Идемте наверх!

Я не стал дожидаться повторного приглашения. Она

уже поднималась по ступеням, аккуратно подобрав юбку, чтобы не касаться серой каменной стены, и я поспешил следом. Мы поднялись ступеней на двадцать, старуха с лампой шла за нами следом; лестница кончилась, и мы очутились в другом, более просторном помещении, каменном, как и то, что при входе, с развешанными по стенам старинными пиками, мушкетами, мечами и лисьими шкурами; из помещения вели две двери, которые в этот момент были широко открыты; одна из них выходила в большую кухню, где у бушующего в очаге огня сидел старик, за другой открывалась уютная просторная гостиная, на стенных панелях которой мелькали отблески пламени, плясавшего в камине.

— Раздевайтесь и отдайте свои вещи Тибби, — скомандовала хозяйка. — Тибби — чай! Сейчас же. Входите, — продолжала она, проводя меня в гостиную, — а если вам захочется сначала выпить виски, то он вот здесь, на столике. Угощайтесь!

— Благодарю вас, но я уже выпил совсем недавно, — ответил я. — К счастью, у меня была при себе фляжка. Позвольте поблагодарить вас за столь теплый прием.

— Пустое, — рассмеялась она. — В такую ночь добрый хозяин и собаку не выгонит. Не знаю, сумеет ли мой опекун добраться домой — он и его старый пони порой творят чудеса. Им случалось пробираться по дорогам, когда снега наметало на два, а то и на три фута в высоту. Но вам не о чем тревожиться — садитесь же.

Она указала на массивное кресло у огня, и я покорно опустился в него — с тем, чтобы с удобством рассмотреть комнату, а также мою хозяйку. Комната, по всей видимости, располагалась в виденной мною снаружи квадратной башне и занимала целый этаж; у нее имелись два окна, забранные переплетами с цветными стеклами; старые, несущ-

щие на себе следы времени деревянные панели по стенам; старинные картины, старинное серебро и медь, старые книги — казалось, я угодил в обстановку, которая пребывала нетронутой с семнадцатого века.

Однако девушка при этом выглядела вполне современно. Ей было лет девятнадцать или двадцать. Она была довольно высока ростом, стройна, грациозна; у нее были каштановые волосы, серые глаза и здоровый цвет лица, озаренного внутренним светом. Мне подумалось, что она, вероятно, проводит большую часть времени под открытым небом, и воображение тотчас же нарисовало мне, как она, в твиде и крепких ботинках, шагает по холмам. Впрочем, она была чрезвычайно хороша и в домашнем наряде, в котором предстала передо мной в тот миг, и я возблагодарил небо, что сам, избавившись от верхней одежды, остался в новом костюме, и оттого выглядел гораздо респектабельнее, нежели когда постучался в дверь.

На столе стояла лампа, которую зажгли совсем недавно; девушка повернула колесико, чтобы лампа давала больше света, и посмотрела на меня, на сей раз более внимательно.

— Вы неместный, не так ли? — сказала она. — Вы не из наших краев.

— Вы правы, — ответил я, — будь я местным жителем, не был бы так глуп, чтобы пуститься в свое нынешнее предприятие. — Тут я вкратце рассказал ей о том, что я затеял. — Теперь вы видите, как мне повезло оказаться спасенным — спасенным вами. Ах да, позвольте представиться — меня зовут Элвери Крей, а приехал я из Лондона.

— Лондон! — восхищенно воскликнула она. — Я никогда там не бывала! А меня зовут, — только не смейтесь, — Мадрасия, Мадрасия Дурхэм. Случалось ли вам когда-нибудь слышать столь странное имя?

— Никогда! — ответил я. — Отчего же вас так называли?

— Я родилась в Мадрасе, — ответила она. — Мой отец был торговцем. Они были партнерами с мистером Парслеем, моим опекуном, под крышей которого я теперь живу. Потом они умерли — я хочу сказать, отец с матерью умерли, — я была еще совсем маленькой, и меня вырастил мистер Парслей. Три года назад мы вернулись в Англию, и тогда мистер Парслей купил этот старый дом, где мы и поселились. Вам понравился дом?

— То, что я успел разглядеть, — очень понравилось, — ответил я. — Но что представляет собой ваш дом — или, точнее, чем он был прежде?

— Мистер Парслей говорит, что в шестнадцатом веке это была сторожевая башня, в которой жили люди, — нечто вроде замка, — ответила она. — По берегам Твида таких башен превеликое множество, повсюду они встречаются. Когда мы приехали в Англию, то некоторое время провели в Бервике, а сами тем временем искали старинный дом. Затем мы нашли эту башню и здесь остались. Летом здесь чудесно, а вот зимой бывает жутковато!

— Есть ли у вашей башни название? — спросил я. — Я спрашиваю потому, что на моей карте оно не указано.

— Название? О да! — ответила она. — Это место называется Кельпишоу — то есть пролив Кельпи, поскольку он находится совсем рядом, между Лэнгли-Крэгс и Хеджхоуп-хилл. Впрочем, утром вы сами увидите — если буря закончится.

Вошла старуха с чайным подносом. Что бы она ни думала о моем присутствии в этом доме, дело свое она знала, и испеченные ею кексы были столь же прекрасны, сколь сурово ее лицо.

— Это наша единственная служанка, — заметила хозяйка, разливая чай. — Ее зовут Тибби Муир, и она живет

с нами с того самого дня, как мы здесь поселились. Старик, которого вы видели в кухне, — Эди Муир, ее муж. Нечто вроде полезного приложения к супруге. Он ухаживает за пони, делает какие-то мелкие работы по дому да дремлет у камина. Толку от него немного, зато Тибби просто чудо как энергична.

— Надеюсь, она простит мне мое появление в вашем доме, — сказал я.

— О, она много бранится, но сердце у нее золотое! Она из тех верных слуг, о каких читаешь в книгах, пусть в жизни такие почти не встречаются. Она полагает, что, коль скоро мистер Парслей в отъезде, ее обязанность — стеречь дом. Подозреваю, что меня она считает ребенком. Но хозяйка здесь — я!

— Надеюсь, мистер Парслей не сочтет меня нежеланным гостем, — сказал я. — Полагаю, я мог бы дойти до деревни, если бы потребовалось.

— А я полагаю, что не могли бы, — решительно ответила девушка. — Что до мистера Парслея, то он будет рад вас видеть. Если же вы заведете с ним разговор о старине — книгах, картинах, горшках, сковородках, тарелках, о чем угодно, — он будет совершенно счастлив.

Я окинул взглядом комнату. То была одна из тех комнат, которые так трудно осветить целиком, — она изобиловала темными и сумрачными уголками и закоулками. Однако я мог разглядеть застекленные шкафы и обычные, полки и сундуки, наполненные, по-видимому, всем тем, что упомянула мисс Дурхэм. По левую руку от меня имелся также невысокий, но массивный столик, уставленный посудой, в которой я заподозрил старинное серебро.

— Так мистер Парслей — коллекционер? — спросил я. — Или, скорее, антиквар?

— Пожалуй, и то и другое, — ответила она, передавая

мне чашку чаю. — Как бы то ни было, он вечно приносит домой какие-нибудь любопытные находки. Большую же часть времени он читает свои старые книги — выше в башне имеется целая комната с книгами, — причем они так велики, что человек едва может их поднять.

— А как проводите время вы? — спросил я. — Вы не сидите за книгами?

— За книгами? — Она, смеясь, покачала головой. — Нет! Сейчас — нет; это я оставляю на потом, когда стану старой и страшной. Нет, я большую часть времени провожу под открытым небом. Порой рыбачу, бывает, что пробегусь с собаками, нередко охочусь. Здесь много охотников; дичь самая простая, но ее хватает.

— Вы настоящая Диана, — заметил я. — А что мистер Парслей, он любит спорт?

— Не особенно, — ответила девушка. — Временами он отправляется порыбачить, изредка берет с собой на прогулку ружье. Однако чаще всего он просто сидит в задумчивости над ручьем, а если под ружье ему выскочит дичь, он в этот момент непременно будет смотреть в другую сторону. Поэтому рыбы и дичи мы от него видим не много. — Она снова рассмеялась и уставилась на меня, глядя насмешливо и вопросительно. — А чему посвятили свою жизнь вы? — спросила она.

— Я? О, я немного рисую, — ответил я.

— Вот как! Мой опекун тоже рисует, — заметила она. — Говорит, что это мазня, однако получается у него неплохо. Видите, на панели? Эти два рисунка принадлежат ему.

Она указала на два акварельных наброска в позолоченных рамках, висевших в простенке у камина. Я встал и присмотрелся. Один набросок изображал дом, в котором мы находились, второй — вид на Чевииот. Чувствовалось, что рисунки сделаны умелой рукой.

— Что вы о них скажете? — спросила она. — Вы ведь, вероятно, разбираетесь в такого рода вещах?

— Очень неплохо, — ответил я. — И по-моему, интересно. Я и сам сегодня отправился бродить именно из желания подыскать подходящую натуру. И пожалуй, нашел — ваш дом. Он так и просится на полотно, а на заднем плане я изобразил бы холмы.

— Напишите его, прошу вас! — воскликнула она. — А я заставлю опекуна купить вашу картину; он часто покупает картины. Можете изобразить на ней и меня, с ружьем и собаками; завтра утром я покажу вам моих собак — они такие красавицы!

Итак, мы поладили и долго еще вели столь же легкую беседу. Миновал вечер, но мистер Парслей так и не появился. Мы поужинали; его все не было. Когда настало десять часов вечера, хозяйка вынесла вердикт.

— Нынче вечером он уже не будет, — сказала она. — А мне пора спать. Тибби позаботится о вас, мистер Крей, и я уверена, что она должным образом проветрила вашу постель. Комнаты не пугайтесь; она выглядит так, словно в ней обитают призраки, но это лишь видимость.

Она подала мне руку, улыбнулась и вышла; тут же явилась старуха и повела меня в спальню, располагавшуюся в одном из крыльев дома. Спальня эта еще более гостинной напоминала о Средневековье, однако отличалась замечательным удобством, а в постель мне положили грелки.

Полагаю, я уснул в тот же миг, как голова моя коснулась подушки, и провалился в мертвый сон. Не знаю, сколько я проспал и который был час, однако я проснулся посреди ночи резко и внезапно, чтобы обнаружить, что у постели моей стоит человек и, подняв в руке фонарь с круглым стеклянным колпаком, смотрит на меня испытующим и вместе с тем каким-то странным взглядом.